Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Лилия Владимировна Копоть
Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, kopot79@mail.ru, SPIN-код: 3014-6687, https://orcid.org/0000-0002-2501-4762

Конструирование гендера в российском мужском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *В статье в рамках конструирования гендера в политическом дискурсе исследован мужской политический дискурс, представленный текстами (42 текста) в жанрах интервью, выступлений, обращений к избирателям. Методологию исследования составляют критический дискурс-анализ, метод лингвокультурного анализа; метод контекстуального анализа языковых единиц. В результате исследования представлено понятие мужского политического дискурса (языка политиков-мужчин). Проанализированы лексико-грамматические, стилистические особенности речи, свойственные политику-мужчине. Рассмотрены речевые стратегии, доминирующие в мужской политической коммуникации. Выявлено в гендерно маркированном мужском речевом поведении употребление бранной, военной, неологической лексики. Среди стилистических особенностей отмечена гендерно маркированная метафора. Определена апелляция политиков-мужчин к текстам известных историков, философов, полководцев, исторических личностей мужского пола, гендерно маркированным фразеологизмам. Сделан вывод о том, что в мужском политическом дискурсе активно используются манипулятивные стратегии, связанные с приемом маскулинизации путем апелляции к архетипическим ролям воина, защитника, настоящего мужчины; защитника родины, борющегося против «чужих»; к «мужественным» видам спорта; к сфере досуга. Демаскулинизация оппонента осуществляется при помощи угрозы, оскорбления; посредством отказа в обладании мужскими качествами; путем сравнения поведения с женским поведением; дискредитацией по принципу пола; путем намеков на гендерную асимметрию; приема грубой иронии, содержащей двусмысленность. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании вузовских курсов теоретической и прикладной лингвистики, социолингвистики, лингвистической дискурсологии, при разработке спецкурсов по гендерной лингвистике.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политические тексты, политические деятели, гендер, маскулинность, феминность, мужской политический дискурс, гендерная идентичность, язык политиков-мужчин, мужское коммуникативное поведение, русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Копоть Лилия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, email: kopot79@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Копоть, Л. В.* Конструирование гендера в российском мужском политическом дискурсе / Л. В. Копоть. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 229-238.

Liliya Vladimirovna Kopot'
Adyghe State University, Maykop, Russia, kopot79@mail.ru, SPIN code: 3014-6687, https://orcid.org/0000-0002-2501-4762

Constructing Gender in Russian Male Political Discourse

ABSTRACT. *The article studies the issues of constructing gender in Russian male political discourse in 42 texts in the genres of interview, public speech and voter-directed address. The research methodology includes critical discourse analysis, linguo-cultural analysis, and contextual analysis of linguistic units. As a result of the study, the author defines the concept of male political discourse (the language of men-politicians). The article analyzes the lexico-grammatical and stylistic features of male political speech and identifies its dominant strategies. The study has revealed the use of abusive, military and neological vocabulary in gender-marked male speech behavior. The stylistic features include gender marked metaphor. The study reports that male politicians appeal to texts by renowned historians, philosophers, military commanders, and historical male figures, and employ gender marked phraseological units. The author concludes that male political discourse actively employs manipulative strategies based on masculinization. These strategies appeal to archetypal roles— the warrior, the defender, the "real man" — as well as to the image of the homeland defender fighting the "Others", and are reinforced by references to masculine sports and leisure activities. The opponent is demasculinized through threats and insults, denial of male qualities, comparison of male behavior to female behavioral patterns, gender–based discrediting, hints at gender asymmetry, and crude irony containing ambiguity. The results obtained can be used in teaching university courses of theoretical and applied linguistics, sociolinguistics, linguistic discourse studies, and in designing specialized courses of gender linguistics.*

KEYWORDS: *political texts, politicians, gender, masculinity, femininity, male political discourse, gender identity, language of men-politicians, male communicative behavior, Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Liliya Vladimirovna Kopot', Candidate of Philology, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia.*

FOR CITATION: *Kopot' L. V.* (2026). Constructing Gender in Russian Male Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 229-238. (In Russ.).

© Копоть Л. В., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования особенностей языковой репрезентации гендера в политическом дискурсе продиктована тем фактом, что традиционно участники политического дискурса во всем мире — мужчины.

Политический дискурс — это сложный тип институционального дискурса [Карасик 2014] в виде знаковой системы [Шейгал 2004], находящийся на пересечении собственно политического и медиадискурса [Wodak 2009], включающий как устные и письменные тексты политического характера, так и социальный контекст общения [Будаев, Чудинов 2006; Чудинов 2012; Будаев 2020].

В зависимости от поставленной цели и существующей ситуации участники политического дискурса выбирают наиболее частые стратегии: на понижение, на повышение, стратегию театральности [Михалева 2009: 45–68]; семантические, когнитивные, прагматические, диалоговые, риторические стратегии [Иссерс 2002: 109]; аргументативное и референциальное манипулирование в политическом дискурсе [Шейгал 2004: 294]. Таким образом, значимую роль в политическом дискурсе играют основные стратегии, связанные с воздействием на адресата и стремлением изменить сознание, подавить волю слушателя путем манипулятивных приемов.

Изучением конструирования маскулинности в политическом дискурсе занимались отечественные ученые: Н. В. Белая [Белая 2009]; Е. С. Гриценко [Гриценко 2005]; А. В. Кирилина [Кирилина 2021]; Т. Г. Попова, К. А. Кокорина [Попова, Кокорина 2020]; Т. Б. Рябова [Рябова 2004]; А. А. Форысенкова [Форысенкова 2021]; Н. А. Цыбина [Цыбина 2019] и др. В работах зарубежных ученых были предприняты попытки исследования мужской и женской коммуникации (R. Bart (1989), R. Lakoff (1975); A. Linke (1991); D. Tannen (1992) и др). Методологической базой изучения маскулинности послужили труды П. Бурдье [Бурдье 2005]; Д. Гилмора (2005); М. Месснера [Messner 2007]; Р. Коннелл (2001, 2015); М. Киммел [Киммел 2006] и др. Гендер, будучи конструктом, детерминирующим социальную природу пола [Кирилина 1999], непосредственно связан с культурными представлениями о сущности маскулинности и фемининности, в языке и дискурсе проявляясь с разной степенью плотности [Кирилина 2000; Зиновьева 2019]. На рубеже веков А. В. Кирилина определяет лингвистические направления исследования гендера, среди которых отмечает языковые средства, участвующие в конструировании гендерной идентичности; анализ различных коммуникативных ситуаций, типов дискурсов, гендерно маркированных; интенсивность конструирования гендера [Кирилина 2000].

Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе может быть представлено как 1) нормативное — следование гендерным нормам, т. е. представлениям о том, какая модель поведения, в том числе речевого, характерна и уместна для мужчины; 2) манипулятивное конструирование — эксплуатация гендерных стереотипов в форме эмфатизации либо нивелирования личностных характеристик, обусловленных гендером [Цыбина 2019: 146]. Формирование и манифестация гендерной идентичности в политическом дискурсе предопределяются демаскулинизацией политиков-мужчин как способ их дискредитации [Рябова 2008], отмечая в гендерной оппозиции «свой» / «чужой» тенденцию к маскулинизации «своих» и феминизации «чужих» как прием в политической борьбе. А. В. Кирилина в обзорной статье «Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия» приходит к выводу о том, что гендер в XXI веке превратился в «политизированный маркер» [Кирилина 2021: 113]. Е. С. Гриценко исследует языковые механизмы конструирования гендера для формирования идеального образа кандидата в политическом дискурсе, воплощающего доминантные признаки мужественности. Автор анализирует «архетипические мужские роли» политиков, вербально представленные в образах солдата, героя, рыцаря, хозяина, выявляет различия в семантике лексических единиц *мужчина* и *мужик* в русской лингвокультуре [Гриценко 2005: 299, 255].

П. Бурдье пишет об историческом, господствующем разделении полов, выражаемом в речевых практиках, о традиционной гендерной оппозиции мужское / женское, в основе которой лежит представление об «ультрамаскулинности, всегда соседствующей с политическим авторитаризмом» [Бурдье 2005: 358]. Д. Гилмор пытается выявить код мужественности, анализируя концепт маскулинности в разных культурах мира, и приходит к выводу о сходных представлениях у людей разных народностей, национальностей о «настоящей мужественности» [Гилмор 2005]. Р. Коннелл в монографии «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» отмечает множественные формы маскулинности и фемининности, а также их комбинацию, или андрогинию, отмечая как доминирующую модель маскулинности, поскольку именно она определяет

взаимоотношения как с женщинами — другим полом, так и внутри мужского сообщества [Коннелл 2015]. М. Месснер в статье «Мужественность правителя» на материале американского политического дискурса рассуждает о гегемонной маскулинности в политике, анализируя образ политического лидера, губернатора Калифорнии А. Шварценеггера, известного всему миру в прошлом актера, символизирующего силу, жесткость, угрозу. По мнению автора, сегодня необходимы политики не только борющиеся, гиперсильные (мужчины), но и сострадающие, дальновидные, умные (женщины) [Messner 2007]. Таким образом, исследования гендера в политическом дискурсе в XXI веке связаны с усилением актуализации гендерной идентичности субъектов коммуникации, анализом языковых средств, служащих маркерами маскулинности и фемининности в политическом дискурсе, выявлением механизмов формирования маскулинности / фемининности, изучением гендерных стереотипов и их трансформации, а также метафоризации как способа трансляции гендерных стереотипов.

Исторически политический дискурс андроцентричен. Соответственно андроцентричность политического дискурса предусматривает определенный тип поведения независимо от гендера субъекта политической коммуникации,

Рассмотрим языковое конструирование образа мужчины-политика в СМИ.

1. **Лексические идентификаторы архетипической роли защитника, воина, спасателя.** *Герой РФ (С. Шойгу) — защитник свободной России, заслуженный спасатель. За орденами и медалями стоят реальные достижения и свершения. МЧС создал, можно сказать, спас, С. Шойгу. Созидатель, наверное, слово, которое больше всего ему подходит* [Радиоспутник. 25.03.2020]. Таким образом, в сознании российского избирателя конструируется при помощи СМИ маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя.

2. **Лексические идентификаторы образов борца, спортсмена, победителя.** *В. Путин одержал оглушительную победу на выборах главы государства* [Парламентская газета. 18.03.2024]. Сравним отрицательную оценочность при подаче образа политика, претендовавшего на пост президента. *Другой неудачник этой кампании — знаменитый советский тяжелоатлет Юрий Власов. Заняв на выборах предпоследнее место с 0,20 процента голосов, он покинул политику* [Парламентская газета. 19.03.2018]. Таким образом, спортсмен в жизни, победитель многих соревнований, он проиграл борьбу политическую, посредством лексемы *неудачник* происходит демаскулинизация образа политика как слабого игрока.

3. **Гендерно обусловленная метафора**: *строгий, но заботливый отец, отец нации, политик с железной, твердой рукой, крепкий хозяйственник.* Е.С. Пронина отмечает, что в российском сознании образ «идеального» политика базируется на таких категориях, как „сила эго“, „отец Отечества“» и др. [Пронина 2014: 86]. *Он был строгим, но заботливым отцом* — название статьи, посвященной памяти министра внутренних дел РФ, генерала армии В. Ерина, выдающегося российского государственного деятеля [veteran.caovd.ru. 17.01.2023]. Таким образом, с учетом базовых мужских черт создается имидж правильного российского политика: заботливого, но строгого отца, заботящегося о своих гражданах.

Интересна гендерно маркированная метафора «крепкий хозяйственник». *Хоценко вполне органичен в роли «крепкого хозяйственника», который умеет находить общий язык с федеральным центром* [gazeta-vz.com. 8.06.2023]. Таким образом, хороший политик — это всегда хороший хозяин, умеющий навести порядок в экономической отрасли, сделать процветающим хозяйство, твердой, железной рукой управляющий вверенным ему регионом, областью.

4. **Наличие прозвищ как лексических идентификаторов гендера:** *Лаврова даже сравнивали с Министром иностранных дел СССР А. Громыко, которого прозвали «Мистер Нет» за активное отстаивание советских интересов* [Национальная служба новостей. 21.03.2019]. Прозвище «Мистер Нет» маскулинизирует образы российских министров, поскольку в семантике данного онима актуализируются традиционно мужские качества: сила, твердость характера, ум, бескомпромиссность, неуступчивость, дипломатическая хватка.

5. **Семиотические невербальные идентификаторы внешности**: галстуки, мужские сорочки, обувь, часы. *Галстуки с изображением розовых лебедей и синих мопедов обосновались в его (Д. Медведев) гардеробе уже после перехода на новые должности, чуть менее обязывающие к соблюдению протокола* [style.rbc.ru. 29.09.2023].

6. **Лексические идентификаторы профессиональных и личностных качеств.**

6.1. **Лексические идентификаторы лидерства.** *Теперь после выборов мы можем не фигурально, а буквально говорить о В. В. Путине как о нашем национальном лидере* [Парламентская газета. 18.03.2024].

Бесспорно, после В. Путина это (Р. Кадыров) политик номер один в сегодняшней России [Daly Moscow. 15.06.2022].

6.2. **Лексические идентификаторы харизмы.** *Борис Березовский. Противоречивый, авантюрный, неосмысленный. Яркий, непонятный, харизматичный и упертый* [Волгоград1.ру. 23.01.2021]. Таким образом, идеальный российский политик — это безусловный лидер с выдающимися политическими талантами, способностями, харизмой, умением вести за собой других.

6.3. **Лексические идентификаторы профессионализма.** *Он (С. Лавров) уже был одним из наиболее уважаемых дипломатов России, считался яркой личностью и профессионалом своего дела* [forum-kpfu.ru. 15.06.2024]. Таким образом, профессионализм является обязательным качеством успешного политика.

6.4. **Лексические идентификаторы мужественности.** *Многие от него (Абрамовича) тогда отвернулись, но Путин не испугался* [МК.ru. 7.10.2022].

Таким образом, успешность на политическом поприще во многом связана с такими качествами, как смелость, твердость, решительность, мужественность, что, безусловно, традиционно свойственно более мужчинам, чем женщинам. Соответственно образ идеального политика маскулинен.

6.5. **Лексические идентификаторы интеллекта, остроумия.** *Я (Ельцин) могу на него (Путина) положиться — умный, точный, блестяще формулирует* [МК.ru. 7.10.2022]. СМИ актуализируют образ идеального, успешного политика, который обладает острым умом, владеет ораторским мастерством, умеет точно формулировать мысли.

6.6. **Лексические идентификаторы сдержанности / эмоциональности**. *Впечатление на меня он (В. Путин) произвел самое благоприятное: спокойный, исполнительный* [МК.ru. 7.10.2022]. Таким образом, настоящий политик, по мнению СМИ, должен быть спокойным, выдержанным, невозмутимым. Эмоциональность, как женское качество, понижает статус политика.

6.7. **Лексические идентификаторы силы, жесткости.** *Любой новый человек, сильный внутренне (В. Путин), выиграет у всех этих «стариков»* [ural.kp.ru. 22.11.2019]. *Степашин слишком мягок, немножко любит позировать, любит театральные жесты. Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе. У Путина, наоборот, воля и решительность есть* [МК.ru. 7.10.2022].

Таким образом, в прессе конструируют идеальный образ политика-мужчины: сильного, жесткого, волевого, с твердым характером. Отрицательно оценивается слабость политика, нехаризматичность, эмоциональность, неумение держать удар.

6.8. **Лексические идентификаторы самостоятельности / исполнительности.** *Мишустин отличный организатор и исполнитель, как Медведев в свое время был «техническим президентом». А России, с точки зрения правящей элиты, нужен самостоятельный президент, которого ценили бы не только на уровне внутренней политики, но и внешней* [forum-kpfu.ru. 15.06.2024]. В данных примерах исполнительность и организаторские способности приобретают в роли контекстных антонимов отрицательную оценочность по отношению к самостоятельности политика. Идеальный политик всегда самостоятелен, независим от чьих-либо мнений и решений. Именно такой президент, по мнению избирателей, должен управлять государством.

Таким образом, идеальный образ политика-мужчины в сознании российского избирателя конструируется при помощи гендерных стереотипов, представленных в масс-медиа, как маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя, крепкого хозяйственника, борца, спортсмена, победителя, заботливого, но строгого отца нации, управляющего твердой, железной рукой. Лексические идентификаторы прозвищ маскулинизируют мужские образы политиков, поскольку апеллируют к таким чертам характера, как ум, хитрость, жесткость, бескомпромиссность, дипломатическая хватка. Образ конструируется при помощи невербальных маркеров одежды (мужских сорочек, мужских костюмов, носков), обуви, часов. Политик-мужчина должен быть харизматичным, компетентным, мужественным, сильным, жестким, остроумным, сдержанным, спокойным, самостоятельным в принятии решений.

Политический дискурс представляет собой интерес для ученых-лингвистов, поскольку «любая власть обладает своим языком», по мнению Р. Барта, который ввел понятие политического языка, созданного «в ходе политического праксиса» [Барт 1989: 526]. Поскольку в российском политическом дискурсе чаще всего участвуют традиционно представители мужского пола, актуально изучение специфики коммуникативного поведения мужчин.

Еще в прошлом веке ученые отметили тот факт, что женщины используют в своей речи слабые формы, в то время как мужской речи свойственны более сильные формы

[Linke 1991]. Н. В. Белая обращает внимание на разницу «словаря» мужчин и женщин: мужчины, по ее мнению, употребляют больше неологизмов, профессионализмов и архаизмов [Белая 2009].

Исследователи стремятся выявить особенности речевого поведения политического деятеля, обращая внимание на возможность установления половой принадлежности пишущего на основе специфических гендерных признаков (Талина, 2003[1]); пол составителя анонимных текстов политической тематики на основе автороведческой экспертизы [Огорелков 2019]. На такую возможность указывал еще в прошлом веке М. Фуко, определявший текст автора как письмо, которому свойственно подчинение, определенные речевые ритуалы, установление, фиксация ролей говорящих / пишущих [Фуко 1996]; пол в процессе социализации накладывает определенный отпечаток на речевое поведение индивида, субъект демонстрирует маскулинность или фемининность через посредство коммуникативного поведения [Максименко и др. 2020].

Другими словами, современные методы исследования дискурса позволяют выявить определенные тенденции в речевой коммуникации мужчин и женщин при употреблении одних и тех же языковых единиц. В современной политической лингвистике изучаются языковые средства как приемы борьбы за политическую власть [Чудинов 2012], где ученые изучают политический язык. В рамках нашего исследования — язык политиков-мужчин, или мужской / политический дискурс. Рассмотрим *мужской политический дискурс, под которым понимаем лексико-грамматические, стилистические особенности речи, а также речевые стратегии, свойственные политику-мужчине.*

Среди **лексико-грамматических особенностей** мужского политического дискурса отметим употребление 1) **бранной лексики:** *прихвостни Вашингтона* (разг., бран.), *дебилы* (перен. бран.) (С. В. Лавров); *шизофреник* (разг., оскорб.), *одна шушера* (прост, бран., пренебр.), *разгромят к ядреной матери* (Р. А. Кадыров); *он не дурак* (В. Кондратьев); 2) **военной лексики:** *оружие*, *бомбежки*, *солдаты*, *живой щит*, *обстрелы*, *жертвы*, *война*, *безъядерный*, *мародеры*, *военные инструкторы* (В. В. Володин); *пушечное мясо* (Р. А. Кадыров); *информационная война*, *фейковая война*, *СВО в учебнике 11 класса* (С. С. Кравцов). Кроме того, в мужском политическом дискурсе можно отметить 3) **неологизмы**. *Процедуры должны быть удобными, незабюрокраченными. «Опрозрачивание» с помощью больших данных дает колоссальный эффект* (М. Мишустин) [improvement.ru. 2020]. *Хватит кошмарить бизнес* (Д. А. Медведев) [RG.RU,07.08.2008]. *Продолжается курс на дерусификацию. Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации* (В. В. Путин) [kremlin.ru. 24.02. 2022]. *Мы и на полях СВО отсталинградим фашистов и бандеровцев* (Г. Зюганов) [kp.ru. 18.07.2024].

Среди стилистических особенностей отметим гендерно **маркированную метафору** как стилистический прием. *Нацисты скрываются за мирными жителями, используют так называемый «живой щит». Граждане Украины для Вашингтона — это расходный материал. Но это все готовилось для того, чтобы развязать военные действия по отношению к мирным жителям* (В. В. Володин) [kp.ru. 06.05.2022].

В мужском политическом дискурсе политики-мужчины в качестве прецедентных текстов обращаются к **цитированию, афоризмам, фразеологическим единицам, крылатым выражениям**. *Тяжело в учении, легко в бою* (С. С. Кравцов) [radio.kp.ru. 28.02. 2023]. *Это не значит, что мы должны мириться с дамокловым мечом в виде НАТО; встать под ружье* (А. Ю. Воробьев) [rbc.ru. 27.05.2022].

Таким образом, в дискурсе политиков-мужчин наблюдается частотность использования тактики цитирования. В их речи встречается апелляция к текстам известных историков (В. Ключевский), философов (Ф. Ницше), полководцев (А. Суворов), исторических личностей (Ю. Цезарь, Дамокл); а также гендерно маркированным фразеологизмам, что способствует маскулинизации их образа.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МУЖСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. В мужском политическом дискурсе отметим стратегии и тактики маскулинизации политического деятеля. Т. Б. Рябова отмечает, что довольно частым приемом в политическом дискурсе у депутатов, чиновников, партийных работников становится «эксплицированная **маркировка** — **«настоящий мужчина»,** «настоящий мужик»» [Рябова 2004]. По ее мнению, «в андроцентрической культуре „власть“ традиционно соотносится с мужским началом, а „подчинение“ — с женским», поэтому «„настоящим мужчиной“ будет человек, обладающий властью. Соответственно качества „настоящего мужчины“» будут тиражироваться «на всех

[1] Талина, И. В. Гносеологические основы развития гендерной идентичности в педагогической теории и практике : дис. … д-ра пед. наук : 13.00.01 / Талина Ирина Владимировна. — Ульяновск, 2010. — 539 с.

уровнях и микроуровнях власти», поскольку этот прием является одним из «рычагов сохранения гендерной асимметрии» [Рябова 2004]. *Ращу сыновей настоящими мужчинами, воинами, которые никого и ничего не боятся* (Р. А. Кадыров) [gazeta.ru. 29.11. 2016]. Таким образом, перед нами прием самопрезентации, позволяющий создать положительный образ политика — сильного, мужественного, настоящего мужчины, передающего эти качества сыновьям.

2. **Манипулятивная стратегия,** реализуемая при помощи оппозиции **«свои» / «чужие»,** в которой «свой» политик играет архетипическую роль защитника родины, борющегося против «чужих», внешних врагов. При этом «своими» выступают границы собственной страны и «наши солдаты», врагами являются «чужие»: В. Зеленский со своей армией. *Зеленский планомерно готовится со своим народом к войне. А это рядом с нашими границами. Страна, несущая угрозу. Сейчас наши солдаты освобождают Украину от нацизма* (В. В. Володин) [kp.ru. 05.05.2022].

3. Прием **маскулинизации собственного образа** политического лидера осуществляется посредством апелляции к таким атрибутам мужественности, как **качества воина, защитника**. Т. Б. Рябова отмечает, что «свое положительное отношение к армии демонстрируют все политики, рассчитывающие на всенародную любовь» [Рябова 2004]. *Армия — школа жизни, которую желательно пройти каждому мужчине. Солдатская жизнь рихтует качественно. Считаю, экзамен на зрелость я сдал* (А. Ю. Воробьев). [rbc.ru. 27.05.2022].Таким образом, актуализируется стереотип об успешном, сильном политике, политике-воине, защитнике, настоящем мужчине.

4. Стратегия презентации политика, представление себя в выгодном положении посредством **апелляции к «мужественным» видам спорта.** Спорт — исторически мужская сфера, где максимальным образом проявляется состязательность, маневренность, стратегия, ум. Поэтому политики мужского пола любят позиционировать себя как людей, занимающихся «мужественным» видом спорта: борьбой, хоккеем, футболом, горнолыжным спортом. *Я лично там играл в футбол против сборной постпредства Чили* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. *Для того чтобы быть эффективным чиновником, …надо не забывать заниматься любимым спортом. И я нашел хоккей* (М. Мишустин) [KP.RU. 02.01.2020].

5. Прием маскулинизации политика путем **обращения к сфере досуга.** Характер неформального общения среди политиков-мужчин без присутствия женщин позволяет конструировать маскулинность политического лидера. Т. Б. Рябова указывает на «своеобразную гомосоциальность политического сообщества» [Рябова 2004], служащую прообразом модели «мужской дружбы». *После очередного футбольного матча он (Шойгу) предложил: «Не хочешь попробовать?»* (А. Ю. Воробьев). [ТАСС.RU. 07.08.2018]. *И друзья со мной те же, что и 10–15 лет назад. Чай вместе пьем, в футбол играем, на ринге боксируем* (Р. А. Кадыров) [ТАСС.RU. 28.11. 2016].

6. Стратегия демаскулинизации оппонента с применением приема **угрозы, оскорбления.** *Если речь идет о врагах России, такие должны бояться. Церемониться с ними нельзя. Если попытаются появиться в Чечне, уничтожим всех. Я воин, защитник, служу людям, готов за них жизнь отдать. Я говорю вам про террористов, про шайтанов внутри республики, плясавших под дудку Запада. Нет, они болтуны, бесстыжие люди без чести, совести, родины. Их интересы — подорвать интересы государства. За 30 жалких сребреников. Наш народ сам будет гонять этих людишек, как бродячих собак* (Р. А. Кадыров) [ТАСС.RU. 28.11.2016]. Таким образом, политик использует стратегию самопрезентации, называя себя защитником, воином и одновременно применяя маркеры «чуждости» [Чудинов 2012]: *шайтаны*, *бродячие собаки*, *болтуны*, *люди без совести и чести*, *террористы*, прибегает к угрозам и оскорблениям, что умаляет значимость врагов, оппонентов, способствуя демаскулинизации противника.

7. **Стратегия демаскулинизации** противника в оппозиции «свой» / «чужой» посредством **отказа в обладании мужскими качествами**: *Емельяненко поступил неэтично и не по-мужски, полез в мою семью* (Р. А. Кадыров) [gazeta.ru. 29.11.2016]. *Американцы ведут себя очень уперто, не по-мужски повели себя наши партнеры* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. Таким образом, говоря о Ф. Емельяненко, бойце ММА, что он поступил не по-мужски, политик Р. А. Кадыров демаскулинизирует образ спортсмена, а комментарий С. Лаврова понижает статус оппонентов относительно поведения иностранных дипломатов.

8. Стратегия демаскулинизации противника в оппозиции «свой» / «чужой» путем **сравнения поведения с женским поведением**. *Скрываются за подолами женщин украинские солдаты* (В. В. Володин) [kp.ru. 05.05.2022].

В данном примере В. В. Володин демаскулинизирует армию противника, обвиняя ее в трусости и попытке «прикрыться» мирным населением, спрятаться за юбку. Он использует гендерно маркированный фразеологизм, тем самым уподобляя недостойное поведение позиции ребенка, боящегося всего, поэтому прячущегося за юбку матери.

9. **Дискредитация** в оппозиции «свой»/«чужой» **по принципу пола.** Сравним реакцию В. Жириновского на назначение Председателем ЦБ РФ Э. Набиуллиной: *Среди банкиров всего мира я никогда не видел женщину. Все банкиры всего человечества только мужчины* (В. В. Жириновский) [BFM.RU. 13.03. 2013]. Таким образом, В. В. Жириновский намеренно дискредитирует образ будущего председателя, акцентируя внимание слушателей на женском поле кандидата на должность. И здесь же имплицитно поддерживается мысль о девиантности такого выбора, поскольку идеальный политик — это мужчина.

10. Стратегия дискредитации противника путем намеков **на гендерную асимметрию.** Сомнения в маскулинности противников нередко сопровождаются намеками на их небинарность. Например, Р. А. Кадыров отреагировал на фото трансгендеров в высших эшелонах армии США: *Вот они, натовские воины! Нам западло с ними воевать… Мне даже говорить про них стыдно. Как по ним целиться? Это же срамота такая. Дайте нам нормального противника, чтобы мужественный был, чтобы мы могли внукам рассказывать* [Чечня сегодня. 19.07.2022]. Таким образом, демаскулинизация американских политиков-мужчин осуществляется при помощи дискредитации посредством апелляции к гендерной асимметрии военных армии США.

11. Стратегия театральности, предполагающая определенного рода реакцию на сказанное, реализуемая при помощи **приема грубой иронии, содержащей двусмысленность**. *Мы уже продвинули нашу позицию в решении того самого Комитета ООН по сношениям со страной пребывания. Вот «сношаемся» в этом комитете. Когда в 1971 году название комитета перевели на русский язык как «комитет по сношениям со страной пребывания», никто не знал, что «сношения» будут осуществляться только в одну сторону* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. Посредством обыгрывания дипломатического термина «сношения» и разговорной единицы *сношаться* в значении «половой акт» глава МИД РФ в грубой, иронической, двусмысленной форме дает негативную оценку действиям политических оппонентов, демаскулинизируя их образ.

ВЫВОДЫ

Итак, конструирование идеального образа политика-мужчины в сознании российского избирателя осуществляется при помощи гендерных стереотипов, представленных в массмедиа как маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя, крепкого хозяйственника, борца, спортсмена, победителя, заботливого, но строгого отца нации, управляющего твердой, железной рукой. Он харизматичный, компетентный, мужественный, сильный, остроумный, спокойный, самостоятельный в принятии решений. Лексические идентификаторы прозвищ маскулинизируют мужские образы политиков, апеллируя к таким чертам характера, как ум, хитрость, жесткость, бескомпромиссность, дипломатическая хватка. Образ конструируется при помощи невербальных маркеров одежды (мужских сорочек, мужских костюмов, носков), обуви, часов.

Среди лексико-грамматических особенностей гендерно маркированного мужского речевого поведения отметим употребление 1) бранной лексики; 2) военной лексики; 3) неологической лексики. Среди стилистических особенностей: 1) гендерно маркированная метафора, а также апелляция к текстам известных историков, философов, полководцев, исторических личностей мужского пола, гендерно маркированным фразеологизмам. В мужском политическом дискурсе активно используются манипулятивные стратегии, связанные с приемом 1) маскулинизации путем апелляции к архетипическим ролям воина, защитника, настоящего мужчины; защитника родины, борющегося против «чужих»; к «мужественным» видам спорта; к сфере досуга. Демаскулинизация оппонента осуществляется при помощи угрозы, оскорбления; посредством отказа в обладании мужскими качествами; путем сравнения поведения с женским поведением; дискредитацией по принципу пола; путем намеков на гендерную асимметрию; приема грубой иронии, содержащей двусмысленность.

ИСТОЧНИКИ

1. Кадыров высмеял НАТОвских воинов: «Нам западло с ними воевать» // Чечня сегодня. — 19.07. 2022.

2. Набиуллина не устраивает Жириновского своей личной жизнью // BFM.RU. — 13.03.2013.

3. Ванденко, А. Интервью с Андреем Воробьевым, губернатором Московской области: чем пахнет Подмосковье? Отвечу! / А. Ванденко // TACC.RU. — 07.08.2018.

4. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова газете «Коммерсант», Нью-Йорк // Коммерсантъ. — 25.09.2019.

5. Беляков, Е. Мишустин и его команда: Как налоговики будут управлять Россией / Е. Беляков // KP.RU. — 02.01.2020.

6. Новости. Архив // Радиоспутник. — 25.03.2020.

7. Вятчанин, Н. Матвиенко назвала итоги выборов свидетельством реального сплочения России / Н. Вятчанин // Парламентская газета. — 18.03.2024.

8. Трусевич, С. Люди, метившие в президенты / С. Трусевич // Парламентская газета. — 19.03.2018.

9. Башкатов, С. Он был строгим, но заботливым отцом / С. Башкатов // veteran.caovd.ru. — 17.01.2023.

10. Гращенков И.: «Среди губернаторов „новой волны“ набирает популярность образ крепких советских хозяйственников» // Gazeta-vz.com. — 8.06.2023.

11. Орджоникидзе С., российский дипломат: Второй «Мистер нет» // Национальная служба новостей. — 21.03.2019.

12. Малютина, А. От Путина до Трюдо: какие правила делового гардероба диктуют главы стран / А. Малютина // Style.rbc.ru. — 29.09.2023.

13. Первые после Путина. Самые влиятельные политики современной России. Мнения независимых политологов // Daly Moscow. — 15.06.2022.

14. Черепахин, В. «Революцию делают одни, а пользуются ее результатами другие» / В. Черепахин // Волгоград1.ру. — 23.01.2021.

15. Красильников, А. День рождения Сергея Лаврова: как работать дипломатом, если кругом дебилы? / А. Красильников // Radiosputnik.ru. — 21.03.2022.

16. Иванов, К. Правда о том, как Путин стал президентом / К. Иванов // MK.ru. — 7.10.2022.

17. Юмашев В. в интервью В. Познеру: Почему Борис Николаевич сделал своим преемником Путина // URAL.KP.RU. — 22.11.2019.

18. Ворсобин В., Кривякина Е., Чесноков Э. Вячеслав Володин: Ни ядерного удара, ни нового 37-го года не будет // Kp.ru. — 06.05.2022.

19. Лыков, А. «Жизнь после Путина» — пять кандидатур на пост Президента России в 2024 году / А. Лыков // Forum-kpfu.ru. — 15.06.2024.

20. Интервью М. Мишустина Глебу Архангельскому // improvement.ru. — 2020.

21. Медведев Дмитрий: Бизнесмены должны прекратить коррумпировать правоохранительные органы и чиновников // RG.RU. — 07.08.2008.

22. Путин В. В. Обращение Президента РФ // Kremlin.ru. — 24.02.2022.

23. Зюганов Г. Интервью политическому обозревателю А. Гамову // Kp.ru. — 18.07.2024.

24. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В.Лаврова Ассоциации «Франко-Российский диалог» // Парламентклуб.рф. — 21.11.2025.

25. Кадыров: «Евроичкерийцев» выставили как пушечное мясо против России // EADaily. — 10.03.2022.

26. Володин, В. О спецоперации, работе Госдумы в новых условиях и о прогнозах на будущее / В. Володин // Kp.ru. — 05.05.2022.

27. Кравцов С.: «Мы восстанавливаем единое образовательное пространство». Интервью Министра просвещения РФ С. Кравцова радио «Комсомольская правда» // Radio.kp.ru. — 28.02.2023.

28. Интервью А. Воробьева РБК: «Я не верю, что дойдет до национализации» // Rbc.ru. — 27.05.2022.

29. Кадыров Р.: «Вызовете Емельяненко на бой? Молодцы!» // Gazeta.ru. 29.11.2016.

30. Глава Чеченской Республики в спецпроекте «Первые лица»: Это вам я, Рамзан Кадыров, говорю! // Tass.ru. — 28.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика: Поэтика. Пер.с фр. / Р. Барт // сост. Г.К. Косикова. —Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

2. Белая, Н. В. О проявлении гендерных различий в языке / Н.В. Белая // Rhema. Рема. — Москва, 2009. — С. 97—102. — EDN MVYPCF.

3. Будаев, Э.В. Введение в политическую лингвистику / Э.В. Будаев.— Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — 168 с. — ISBN 978-5-6044793-7-7. — EDN PPUERC.

4. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. — 267с. — ISBN 5-7186-0314-6. — EDN XPAEAX.

5. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье.— Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — С. 286–364. — ISBN 5-89329-761-X. — EDN QOENQL.

6. Гилмор, Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Дэвид Д. Гилмор ; [пер. с англ. А. А. Казанкова]. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 259, [1] с. — (Гендерная коллекция. Зарубежная классика / Ин-т соц. и гендер. политики). — ISBN 5-8243-0594-3.

7. Гриценко, Е. С. Язык. Гендер. Дискурс / Е. С. Гриценко. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. — 267с. — ISBN 5-85746-852-3. — EDN RUGFPV.

8. Жаданова, Н. И. Стереотипы маскулинности в лингвистическом и политическом дискурсе / Н. И. Жаданова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.—2012. — № 2.—С. 5–8. — EDN OXHUBJ.

9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс.— Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 284 с. — ISBN 5-354-00068-8. — EDN UKGQBL.

10. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2014. — 450 с. — ISBN 978-5-903601-81-3. — EDN UGQVZL.

11. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. — Москва : РОССПЭН, 2006. —459 с. — ISBN 5-8243-0678-8. — EDN QOFZFJ.

12. Кирилина, А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. Московская международная академия.— 2021.— № 3.— С. 109–147. — DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147. — EDN DJJIUR.

13. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. — Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. — 189 с. — EDN OXTFTD.

14. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания.— Москва : Рудомино, 2000. —С. 47–80.

15. Коннелл, Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Р. Коннелл.— Москва : Новое литературное обозрение, 2015.— 426 с. — ISBN 978-5-4448-0248-9.

16. Максименко, О. И. Гендерные особенности речи в интернет-коммуникации / О. И. Максименко, М. А. Савин, О. Е. Почерняева // Вопросы прикладной лингвистики.— 2020. — № 40. — С. 54–86. — DOI 10.25076/vpl.40.03. — EDN AJRRDW.

17. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва.— Москва : Либроком, 2009.— 252 с. — ISBN 978-5-397-00227-1.

18. Огорелков, И. В. Автороведческая идентификация текстов политического дискурса: эволюция методов / И. В. Огорелков // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : материалы Международных научных конференций, Екатеринбург, 27–30 ноября 2019 года / отв. ред. Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург, 2019. — С. 159–161. — EDN FIELHN.

19. Попова, Т. Г. Вербально-речевой уровень языковой личности / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2.— С. 105–110. — DOI 10.26170/pl20-02-11. — EDN JLPGAF.

20. Рябова, Т. Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества / Т. Б. Рябова // Гендерные исследования.— 2004.— № 10.— С. 207–225. — EDN YLSLRD.

21. Суханов, Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю. Ю. Суханов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Vol. 9. —№ 1. — С. 200–212. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212. — EDN YVXKSP.

22. Форысенкова, А. А. Гендерные особенности в политическом дискурсе: сравнительный анализ американских политических выступлений / А. А. Форысенкова // Молодой ученый. — 2021. —№ 116.— С. 145–148. — EDN LLJUYP.

23. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — Москва : Магистериум, 1996. — 446 с. — ISBN 5-85374-006-7.

24. Цыбина, Н.А. Гендерный аспект политического дискурса / Н.А. Цыбина // Филологические науки.—2019.—

Вып. 115.— С. 145–150. — DOI 10.24411/1994-2796-2019-10122. — EDN VWHGUN.
25. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2.— С. 53–59. — EDN PCAVQP.
26. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал.— Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.
27. Lacoff, R. Language and Woman's Place / R. Lacoff.— New York : Harper and Row, 1975. — 93 p.
28. Linke, A. Studienbuch Linguistik / A Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann. — Tübingen : Niemeyer, 1991. —429 s. — ISBN 3-484-31121-5.
29. Messner, M. The Masculinity of the Governator. Muscle and Compassion in American Politics / M. Messner // Gender & Society. — 2007. — Vol. 21, Iss. 4. — P. 461–480. — DOI 10.1177/0891243207303166.
30. Tannen, D. That's not What I Meant! / D. Tannen. — New York : Balentine Books, 1992. —214 p.
31. Wodak, R. The discourse of politics in action: Politics as usual / R. Wodak.— [S. l.] : Springer, 2009. — 252 p. — ISBN 978-0230316539.

MATERIALS

1. Chechnya segodnya (19.07.2022). Kadyrov vysmeyal NATOvskikh voinov: «Nam zapadlo s nimi voyevat'».
2. BFM.RU (13.03.2013). Nabiullina ne ustraivayet Zhirinovskogo svoyey lichnoy zhizn'yu.
3. TASS.RU (07.08.2018). Vandenko A. Interv'yu s Andreyem Vorob'yevym, gubernatorom Moskovskoy oblasti: chem pakhnet Podmoskov'ye? Otvechu!
4. Kommersant" (25.09.2019). Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova gazete «Kommersant», N'yu-York.
5. KP.RU (02.01.2020). Belyakov Ye. Mishustin i yego komanda: Kak nalogoviki budut upravlyat' Rossiyey.
6. Radiosputnik (25.03.2020). Novosti. Arkhiv.
7. Parlamentskaya gazeta (18.03.2024). Vyatchanin N. Matviyenko nazvala itogi vyborov svidetel'stvom real'nogo splocheniya Rossii.
8. Parlamentskaya gazeta (19.03.2018). Trusevich S. Lyudi, metivshiye v prezidenty.
9. Veteran.caovd.ru (17.01.2023). Bashkatov S. On byl strogim, no zabotlivym ottsom.
10. Gazeta-vz.com (8.06.2023). Grashchenkov I.: «Sredi gubernatorov «novoy volny» nabirayet populyarnost' obraz krepkikh sovetskikh khozyaystvennikov».
11. Natsional'naya sluzhba novostey (21.03.2019). Ordzhonikidze S., rossiyskiy diplomat: Vtoroy «Mister net».
12. Style.rbc.ru (29.09.2023). Malyutina A. Ot Putina do Tryudo: kakiye pravila delovogo garderoba diktuyut glavy stran.
13. Daly Moscow (15.06.2022). Perv·yye posle Putina. Sam·yye vliyatel'n·yye politiki sovremennoy Rossii. Mneniya nezavisimykh politologov.
14. Volgograd1.ru (23.01.2021). Cherepakhin V. «Revolyutsiyu delayut odni, a pol'zuyutsya yeye rezul'tatami drugiye».
15. Radiosputnik.ru (21.03.2022). Krasil'nikov A. Den' rozhdeniya Sergeya Lavrova: kak rabotat' diplomatom, yesli krugom debily?
16. MK.ru (7.10.2022). Ivanov K. Pravda o tom, kak Putin stal prezidentom.
17. URAL.KP.RU (22.11.2019). Yumashev V. v interv'yu V. Pozneru: Pochemu Boris Nikolayevich sdelal svoim preyemnikom Putina.
18. KP.ru (06.05.2022). Vorsobin V., Krivyakina Ye., Chesnokov E. Vyacheslav Volodin: Ni yadernogo udara, ni novogo 37-go goda ne budet.
19. Forum-kpfu.ru (15.06.2024). Lykov A. «Zhizn' posle Putina» — pyat' kandidatur na post Prezidenta Rossii v 2024 godu.
20. Improvement.ru (2020). Interv'yu M. Mishustina Glebu Arkhangel'skomu.
21. RG.RU (07.08.2008). Medvedev Dmitriy: Biznesmeny dolzhny prekratit' korrumpirovat' pravookhranitel'n·yye organy i chinovnikov.
22. Kremlin.ru (24.02.2022). Putin V.V. Obrashcheniye Prezidenta RF.
23. KP.ru (18.07.2024). Zyuganov G. Interv'yu politicheskomu obozrevatelyu A. Gamovu.
24. Parlamentklub.rf (21.11.2025). Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V.Lavrova Assotsiatsii «Franko-Rossiyskiy dialog».
25. EADaily (10.03.2022). Kadyrov: «Evroichkeriytsev» vystavili kak pushechnoye myaso protiv Rossii.
26. KP.ru (05.05.2022). Volodin V. O spetsoperatsii, rabote Gosdumy v novykh usloviyakh i o prognozakh na budushcheye.
27. Radio.kp.ru (28.02.2023). Kravtsov S.: «My vosstanavlivayem yedinoye obrazovatel'noye prostranstvo». Interv'yu Ministra prosveshcheniya RF S. Kravtsova radio «Komsomol'skaya pravda».
28. Rbc.ru (27.05.2022). Interv'yu A.Vorob'yeva RBK: «Ya ne veryu, chto doydet do natsionalizatsii».
29. Gazeta.ru (29.11.2016). Kadyrov R.: «Vyzovete Yemel'yanenko na boy? Molodtsy!»
30. TASS.ru (28.11.2016). Glava Chechenskoy Respubliki v spetsproyekte «Perv·yye litsa»: Eto vam ya, Ramzan Kadyrov, govoryu!

REFERENCES

1. Bart, R. (1989). Izbrannyye raboty. Semiotika: Poetika = Selected Works. Semiotics: Poetics. Moscow: Progress.
2. Belaya, N. V. (2009). O proyavlenii gendernykh razlichiy v yazyke = On the Manifestation of Gender Differences in Language. Rhema. Rema, 97–102. Moscow.
3. Budayev, E. V. (2020). Vvedeniye v politicheskuyu lingvistiku = Introduction to Political Linguistics. Saint Petersburg: Science-Intensive Technologies.
4. Budayev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern Political Linguistics. Yekaterinburg: UrGPU.
5. Burd'ye, P. (2005). Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki = Social Space: Fields and Practices. Moscow: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg: Aleteya, 286–364.
6. Gilmor, D. (2005). Stanovlenie muzhestvennosti: kul′turnye kontsepty maskulinnosti = The Formation of Manhood: Cultural Concepts of Masculinity. Moscow: ROSSPEHN, 260 p. ISBN 5-8243-0594-3.
7. Gritsenko, Ye. S. (2005). Yazyk. Gender. Diskurs = Language. Gender. Discourse. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky NNSU.
8. Zhadanova, N. I. (2012). Stereotipy maskulinnosti v lingvisticheskom i politicheskom diskurse = Stereotypes of Masculinity in Linguistic and Political Discourse. Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region. Social Sciences, 2, 5–8.
9. Issers, O. S. (2002). Kommunikativn·yye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Moscow: Editorial URSS.
10. Karasik, V. I. (2014). Yazykovoye proyavleniye lichnosti = Linguistic Manifestation of Personality. Volgograd: Paradigma.
11. Kimmel, M. (2006). Gendernoye obshchestvo = Gender Society. Moscow: ROSSPEN.
12. Kirilina, A. V. (2021). Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'yego tysyacheletiya = Gender and Gender Linguistics at the Turn of the Third Millennium. Issues of Psycholinguistics, 3, 109–147. Moscow International Academy.
13. Kirilina, A. V. (1999). Gender: lingvisticheskiye aspekty = Gender: Linguistic Aspects. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
14. Kirilina, A. V. (2000). Gendern·yye aspekty massovoy kommunikatsii = Gender Aspects of Mass Communication. Gender as an Intrigue of Cognition, 47–80. Moscow: Rudomino.
15. Konnell, R. (2015). Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika = Gender and Power: Society, Personality, and Gender Policy. Moscow: New Literary Review.
16. Maksimenko, O. I., Savin, M. A., Pochernyayeva, O. E. (2020). Gendern·yye osobennosti rechi v internet-kommunikatsii = Gender Features of Speech in Internet Communication. Issues of Applied Linguistics, 40, 54–86.
17. Mikhaleva, O. L. (2009). Politicheskiy diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya = Political Discourse. The Specificity of Manipulative Influence Moscow: Librokom.
18. Ogorelkov, I. V. (2019). Avtorovedcheskaya identifikatsiya tekstov politicheskogo diskursa: ehvolyutsiya metodov = Authors' identification of political discourse texts: an evolution of methods. *Linguopolitical Personology: The Discursive Turn : Proceedings of International Scientific Conferences, Yekaterin-*

burg, November 27–30, 2019 (Resp. Ed. N. B. Ruzhentseva), 159–161. Ekaterinburg. EDN FIELHN.

19. Popova, T. G., Kokorina, K. A. (2020). Verbal'no-rechevoy uroven' yazykovoy lichnosti = Verbal and speech level of a linguistic personality. Political Linguistics, 2, 105–110.

20. Ryabova, T. B. (2004). Muzhestvennost' i zhenstvennost' v politicheskom diskurse sovremennogo rossiyskogo obshchestva = Masculinity and femininity in the political discourse of modern Russian society. Gender Studies, 10, 207–225.

21. Sukhanov, Yu. Yu. (2018). Politicheskiy diskurs kak ob"yekt lingvisticheskogo analiza = Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis. RUDN University Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics, 9(1), 200–212.

22. Forysenkova, A. A. (2021). Gendern·yye osobennosti v politicheskom diskurse: sravnitel'nyy analiz amerikanskikh politicheskikh vystupleniy = Gender Features in Political Discourse: A Comparative Analysis of American Political Speeches. Young Scientist, 116, 145–148.

23. Fuko, M. (1996). Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti = The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Moscow: Magisterium.

24. Tsybina, N. A. (2019). Gendernyy aspekt politicheskogo diskursa = Gender Aspect of Political Discourse. Philological Sciences, 115, 145–150.

25. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivn·yye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discourse Characteristics of Political Communication. Political Linguistics, 2, 53–59.

26. Sheygal, Ye. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis.

27. Lacoff, R. (1975). Language and Woman's Place. New York: Harper and Row.

28. Linke, A., Nussbaumer, M., Portmann, P. R. (1991). Studienbuch Linguistik. Tübingen.

29. Messner, M. (2007). The Masculinity of the Governator. Muscle and Compassion in American Politics. Gender & Society, 21(4), 461–480. DOI 10.1177/0891243207303166.

30. Tannen, D. (1992). That's not What I Meant! New York: Balentine Books.

31. Wodak, R. (2009). The discourse of politics in action: Politics as usual. S.l.: Springer.